

Вячеслав Никонов: «Государственничество не исключает уважения к правам человека, оно его предполагает»

Вячеслав Алексеевич Никонов (родился в 1956 году в Москве) — российский политический деятель, доктор исторических наук. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ в 1993–1995 годах (от блока ПРЕС) и с 2011 года (от «Единой России») по настоящее время. Окончил исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Работал помощником руководителя Администрации Президента СССР М. Горбачева. В 1997–2001 годах — член политического консультативного Совета при Президенте РФ, Комиссии по правам человека при Президенте РФ, экспертного совета Комиссии при Президенте РФ по противодействию политическому экстремизму. В 2006–2009 годах — член Общественной палаты РФ. В 2007–2012-х — исполнительный директор, с 2012-го председатель правления Фонда «Русский мир». С 2007 года — председатель Российского национального комитета Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности. С 2011 года — декан факультета Государственного управления МГУ. С 2012 года — председатель правления Национального комитета по исследованию БРИКС. Президент Фонда «Политика», президент «Клуба-93», президент Фонда «Единство во имя России», вице-президент Ассоциации центров политического консультирования, член президиума Совета по внешней и оборонной политике, член Экспертного клуба Первого канала, член правления Фонда «Российский общественно-политический центр», главный редактор журнала «Стратегия России». Автор около 900 публикаций, в том числе монографий.

Ред. Вячеслав Алексеевич, как формировалось ваше отношение к проблемам прав человека? Ведь в вашей семье были люди, которые превыше всего ставили интересы государства, а были репрессированные.

В.Н. Да, в моей семье налицо противоречивое смешение. Ведь брат деда, Молотова, погиб в гражданскую войну, сражаясь за белых. Бабушка, Полина Семеновна Жемчужина, была в конце сороковых годов репрессирована. Дед отца — купец второй гильдии, а его отец — крупный деятель партии эсеров. Они все были из разных краев — Вятской, Тамбовской губерний. Разные судьбы. Поэтому у меня диалектическое восприятие этих вопросов. Мир сложный.

Ред. А понятие «human rights» было вам, наверное, известно как специалисту, работающему с зарубежными источниками?

В.Н. Я же американист, поэтому *New York Times* и *Newsweek* регулярно читал с 1976 года. Имел практически неограниченный доступ к любой литературе, за счет этого смотрел на многие вещи шире других. Но я никогда не был в восторге от советских правозащитников. Я видел, что их деятельность организована теми же США, были правозащитники, которые просто «отрабатывали».

Ред. Это академик Сахаров «отрабатывал»?

В.Н. Нет, Сахаров был великим физиком, создателем нашей оборонной мощи. Он просто отстаивал другую модель социализма, свою систему

взглядов. И, конечно, его высылка в Горький была крупной ошибкой, если не сказать больше. Были в этом движении честные люди, которых использовали. Но в любом случае защита прав человека у нас в то время была связана с антисоветской деятельностью, а я этим не занимался. Мое мнение таково: государственничество не исключает уважения к правам человека, оно его предполагает.

Ред. А как вы в этом аспекте восприняли перестройку?

В.Н. Были и интересные начинания, были и глупости, были и гнусности, коснувшиеся в том числе нашей семьи. Один очень мною мало уважаемый публицист написал статью, в которой говорилось, что моя мама, когда бабушку посадили, публично отреклась от нее. Это была клевета. Но мама очень тяжело пережила это и незадолго до своего шестидесятилетия ушла из жизни.

Ред. Как вы реагировали на ту статью? Обращались в суд?

В.Н. Маму не вернешь.

Ред. В тот период вы как-то с правозащитными структурами соприкасались?

В.Н. Нет, не контактировал. Я работал в аппарате президента Горбачева. Когда Союз развалился, уехал в Соединенные Штаты, читал лекции по тогдашней обстановке в России. Это скучно было. Вернувшись, ударился в публицистику, работал колумнистом в «Известиях» и в «Труде», пошел в политику. Я состоял в ПРЕС, Партии российского единства и согласия, возглавляемой Сергеем Шахраем. Там были Константин Затулин, Геннадий Меликьян. Работал в Госдуме в Комитете по международным делам с Владимиром Лукиным. А правозащитники, такие как Сергей Ковалёв, были в «Выборе России».

Я был и участником Конституционного совещания, занимался, что называется, конституционным дизайном. Участвовал в дискуссии по разделу о правах человека. В Конституционной комиссии я тоже участвовал, там работали квалифицированные юристы — Михаил Федотов, Михаил Краснов. Принятый вариант Конституции 1993 года я довольно сильно критиковал. Ведь в этой редакции заложено положение, что в случае объявления чрезвычайного положения отменяются разом и свобода мысли, и свобода слова. Я мыслил Конституцию более либеральной, но у Бориса Николаевича, под которого она делалась, были не только либеральные замашки.

После выборов 1996 года Анатолий Чубайс создал этакую «Комиссию по комиссиям». Их было около тридцати, а чем они занимались, было далеко не всем понятно. Я активно участвовал в этой работе, в результате число комиссий сократилось втрое.

Ред. Врагов не нажили?

В.Н. Разве какое-нибудь хорошее дело может остаться безнаказанным?

Ред. Ну, а как вы попали в Комиссию по правам человека?

В.Н. Мне позвонил кто-то из помощников президента. Было ясно, что после КПЧ под председательством Ковалёва они хотят сформировать более спокойный состав Комиссии.

Ред. Вы были знакомы с Владимиром Карташкиным до этого?

В.Н. Очень отдаленно. Но я хорошо знал его заместителя Вильяма Смирнова по Институту государства и права РАН. Потом была личная беседа с Владимиром Алексеевичем Карташкиным. Я согласился, потому что на тот момент был не так уж загружен. По моим меркам. Если сейчас у меня, как я подсчитал, 128 обязанностей разного рода, то тогда было всего около 60 — преподавание, конечно, и другие. Тогда вовсю шли губернаторские выборы, и я был задействован как политтехнолог.

Документ

«Перед Россией стоит задача первостепенной важности — привести не только Конституцию страны, но и федеральное законодательство и законы субъектов Российской Федерации в соответствие со взятыми на себя международными обязательствами, добиться неуклонного их соблюдения в повседневной правоприменительной практике.

Именно этим вопросам была посвящена Всероссийская научно-практическая конференция на тему “Всеобщая декларация прав человека и Россия” с участием зарубежных ученых и дипломатов, высших должностных лиц ООН, ОБСЕ и Совета Европы, которая проходила в Москве 23-24 ноября 1998 года. Участники конференции обсудили положение дел с обеспечением и защитой прав россиян, вопросы о состоянии законодательства в этой области, прогрессе, достигнутом Российской Федерацией в выполнении положений Всеобщей декларации и других международных документов. Конференция констатировала, что за последние годы произошли определенные положительные сдвиги в законодательном процессе, связанные с принятием законов, усиливающих гарантии основных прав и свобод российских граждан, а также с ратификацией важнейших конвенций, принятых Советом Европы. Особенно отмечался прогресс в области осуществления гражданских и политических прав, закрепленных во Всеобщей декларации и Конституции страны (право каждого на свободу убеждений и свободное их выражение, право каждого на свободу мирных собраний и ассоциаций, право каждого владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими, право каждого на участие в периодических выборах при всеобщем и равном избирательном праве и путем тайного голосования и другие)».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1998 году»

Ред. В Комиссии какой участок работы вам достался?

В.Н. Вы знаете, что-то не припомню там особой специализации. Ну, конечно, я много взаимодействовал с зарубежными организациями. Готовил форумы, они проводились в разных местах, вплоть до Северной Ирландии. Готовил доклады. Главной задачей была подготовка годового доклада Комиссии.

Из принципиальных вопросов, по которым я выступал, могу отметить проблему смертной казни. Я был категорически против нее. Ведь в наших условиях до одной пятой приговоренных людей погибали безвинно, из-за судебных ошибок. Ни в коем случае нельзя эту меру возвращать. Я обращался и к проблемам Конституции, но ее переделать нельзя, если только менять напрочь.

Тут особенности угла зрения. Юрист смотрит на формулы, а политолог — на живую среду: как все это будет применяться к человеку, который перебегает в обществе туда-сюда.

Чеченскими проблемами я много занимался, входил в Комиссию Говорухина. И на БТР довелось поездить. Я эти проблемы воспринимал болезненно, во многом был не согласен с политикой власти по «чеченской проблеме».

Ну, а на заседаниях рассматривались конкретные жалобы, шла текучка.

Я уверен, что не хуже, чем, скажем, Московская Хельсинкская группа, могу в Государственной Думе защищать права граждан при выработке тех или иных государственных решений исполнительной и законодательной властью. Хотя я понимаю, что современное российское общество не может существовать без общественных организаций — благотворительных, женских, детских, образовательных, правозащитных и т.д. Огромное количество добрых дел делают наши неправительственные организации, в том числе и с зарубежной помощью. Но совершенно очевидно, что ни в одном государстве никакие неправительственные организации не должны получать помощь извне для ведения чисто политической деятельности. Везде зарубежное финансирование, скажем, политических партий запрещено обязательно. Поэтому, конечно, гражданское общество очень важно, но также очень важно установить прозрачность неправительственных организаций, чтобы иностранные источники финансирования всегда были известны.

Ред. При каких обстоятельствах вы Комиссию покинули?

В.Н. Как я уже говорил, работу в Комиссии я совмещал со многими другими нагрузками. В конце 90-х годов произошли перемены в Администрации Президента. Я сблизился с политиками из блока «Отечество — Вся Россия». Они занимали позиции, сильно расходящиеся

с линией главы государства. В таких условиях я не считал возможным оставаться в органе, работавшем непосредственно при президенте.

Ред. И больше с Комиссией, потом Советом, уже не сотрудничали?

В.Н. Нет, хотя были точки пересечения в Общественной палате.

ПОЗИЦИЯ

«В нашей стране, в России, победит тот, кто действительно верит в свою страну и любит ее. Россия во все времена в своей системе образования, в системе ценностей имела определенный, очень четкий ценностный код, который мы предлагаем миру и стране. Сюда входят такие ценности, как свобода, справедливость, вера, достоинство, честь — все, что всегда составляло смысл нашего народа, который всегда искал правду. А это значит, что наше дело правое и победа будет за нами».

Ред. Но вы все-таки следите за работой нынешнего Совета? Знаете, например, что президент встречался с Михаилом Федотовым и поручил активно заняться беженцами и пострадавшими в результате конфликта на востоке Украины?

В.Н. По этой части у меня самого громадные задачи как у председателя Комитета Госдумы по образованию. В число субъектов Российской Федерации вошли Крым и Севастополь. В них ничего не было готово для вхождения в российскую систему образования. Проводим огромную работу по организации экзаменов, выдаче аттестатов. Там же были совсем другие программы, дети вообще не учили ни русскую историю, ни русскую литературу. Для беженцев тем более все непросто, но и они найдут все необходимое для получения образования.

Ред. Деятельность Совета в целом вы оцениваете позитивно?

В.Н. Я по убеждениям человек консервативный. Мне близки позиции — в приложении, конечно, к моей стране — таких деятелей, как Черчилль, де Голль, Рейган, Тэтчер, а не Клинтон или Обама. Я и книгу такую написал: «Эпоха перемен. Россия 90-х глазами консерватора».

Что касается Совета, то он в наших условиях совсем не вреден. Его руководители — сначала Элла Памфилова, затем и Михаил Федотов — очень грамотные люди, болеющие за порученное дело. Да и Владимир Карташкин, возвращаясь к сказанному, тоже переживал за дело, старался приносить пользу.

